

ездил в открытых товарных вагонах. Паустовский улыбнулся и сказал: да, он тоже часто так делал, только он переплюнул Фроста, потому что ездил на крышах товарных вагонов. Они засмеялись. Оба они не раз повторили с теплотой в голосе, что то время всегда много значило в их жизни, что оно сформировало если не сами их произведения, то по, крайней мере, мировосприятие, которым они были проникнуты.

После ужина дочь Паустовского поставила пластинку Баха. Алянский беседовал с Адамсом о книгах по искусству и книгоиздательстве. Несмотря на трудности общения через переводчиков и различие точек зрения, объясняющееся различием национальных культур, мы ушли с чувством, что русская литературная среда в лице ее лучших представителей столь же ярка, дружелюбна, горяча и энергична, как наша собственная. Фрост сказал, что он очень признателен за этот вечер (он явно был доволен визитом и произвел на всех неизгладимое впечатление), а Паустовский в ответ выразил восхищение “лирической энергией” Фроста. <...>

Пятница

<...> Популярностью, которую Фрост снискал, несмотря на слащавость и неточность переводов его стихов, публиковавшихся в СССР, он воспользовался, чтобы донести до аудитории остроту своей мысли и любовь к независимости. И то, и другое пришлось публике по душе и создало у многих русских новое, верное представление о нем. Фрост сразу нашел отклик у тех, кто хоть немного владел английским. Такие талантливые литераторы, как Зенкевич, переводившие поэзию Фроста и готовившие к печати его антологию, способствовали более глубокому пониманию его произведений. Но главная заслуга принадлежала самому Фросту: именно он своей находчивостью и дерзостью завоевал симпатию публики.